

БИАТЛОН

ЧЕМПИОНАТ МИРА

ПРИГОВОР ПРОБЫ «В»

Вчера в корейском Пьонгчанге было объявлено, что анализы проб «В» подозреваемых в применении допинга спортсменов дали положительный результат, и были названы их имена: Екатерина Юрьева, Альбина Ахатова и Дмитрий Ярошенко. Вчера ранним утром нарушителей отправили в Москву, куда те прибыли во второй половине дня.

Елена ВАЙЦЕХОВСКАЯ из Пьонгчанга

Официальная пресс-конференция IBU, на которой были оглашены имена трех российских спортсменов, уличенных в употреблении запрещенных медицинских препаратов, проистекала в главном пресс-центре чемпионата аккуратно тогда, когда автобус с российскими журналистами долгих пять часов полз от Сеула до Пьонгчанга. Теперь в соответствии с правилами все трое должны быть вызваны на специальное заседание антидопинговой комиссии в Зальцбург. Эта комиссия была сформирована 6 февраля, в ее состав входят 8 человек (медики, адвокаты и представитель Всемирного антидопингового агентства (WADA), кандидатуры которых были предложены президентом IBU Андерсом Бессебергом и генеральным секретарем Союза Николь Ренш. Представители России в комиссии отсутствуют.

Заключение о совпадении пяти контрольных проб «В» с пробами «А» (еще два положительных анализа повторно обнаружились у Юрьевой и Ярошенко позже) IBU и Союз биатлонистов России получили из антидопинговой лаборатории 12 февраля вечером. Дисциплинарные слушания в Зальцбурге пройдут в течение семи дней после того, как IBU получит полный пакет документов по каждой пробе. Предположительно это произойдет еще до завершения чемпионата мира. По итогам этих слушаний и будет принято решение о том, какому именно наказанию подвергнут российских спортсменов. Затем санкции должен утвердить исполком IBU, и тогда они вступят в силу.

КТО ВИНОВАТ?

С одной стороны, двух мнений быть не может: если в организме спортсмена обнаружен запрещенный препарат, виноват в этом только он сам. С другой – как перед отъездом в Пьонгчанг мне сказал представитель российской делегации, которая присутствовала в Лозанне при вскрытии проб «В» профессор Николай Дурманов, если речь идет об эритропоэтине (а следы именно этого препарата были обнаружены во всех трех пробах), – это всегда цепочка. Иногда она может быть совсем короткой – спортсмен – врач, иногда в ней задействованы какие-то другие люди, сумевшие убедить спортсмена либо его тренера, что препарат «не ловится», но факт остается фактом. Крайним звеном в цепочке является спортсмен, на него же обрушивается кара.

Могли Юрьева, Ахатова и Ярошенко не знать, какие именно инъекции делает врач? Вполне. Могли тренеры мужской и женской команд быть не в курсе происходящего? Также вероятно, хотя и сомнительно: ни один врач не возьмет на себя решение заняться самостоятельностью на грани фола. Если же действительно не знали, – это говорит лишь о том, что в команде (по крайней мере в той части, что касается медицинского обеспечения) имеет место полная анархия с очевидным расчетом на то, что все сойдет с рук.

Нечто подобное было в 2002-м в Солт-Лейк-Сити, когда за употребление дурбепозина были дисквалифицированы и с позором изгнаны из Олимпийской деревни олимпийские чемпионы Лариса Лазутина и Ольга Данилова. Та история до сих пор покрыта тайной. По одной версии, к случившемуся имел прямое отношение врач, который в те времена работал с лыжной сборной. По другой (изложенной

мне в самолете олимпийским чемпионом, а ныне – вице-президентом СБР Виктором Маматовым), – дурбепозин появился в команде при содействии совершенно другого, хорошо известного в спорте человека. Ни то ни другое официально доказано так и не было, поэтому я и не называю имен.

Могла ли вся нынешняя история быть провокацией? Как ни странно – да. Любые систематические нарушения рано или поздно становятся явными. Известно, что результаты допинг-проб спортсменов (и не только в биатлоне) внимательно отслеживаются на протяжении длительного времени. Так в свое время был запрещен бромантан, на употребление которого в 1997-м попала шестикратная олимпийская чемпионка Любовь Егорова. Еще до Игр в Атланти-96 лаборатории заметили, что следы одного и того же вещества постоянно «выскакивают» в пробах атлетов России и бывшего СССР, спустя год или два выяснилось, что эти следы оставляет бромантан, и препарат тут же внесли в список запрещенных.

Биатлонистов тоже отслеживали. Возможно, не случайно. Трудно не заметить, что каким-то непостижимым образом совпали две вещи: активные заявления нынешнего вице-президента IBU, четырехкратного олимпийского чемпиона Александра Тихонова о том, что он намерен на ближайших выборах баллотироваться на пост президента Международного союза биатлонистов, и личное распоряжение нынешнего руководителя IBU Андерса Бессеберга (эту фамилию в контексте допинговой истории мне назвали несколько членов союза) отравить пробы российских биатлонистов в Лозанну и проверить их на наличие совершенно конкретного препарата, который и был в итоге обнаружен.

Тут, Впрочем, тоже много неясного. По первоначальной информации из Лозанны, лабораторных данных было недостаточно, чтобы считать пробу однозначно положительной. Как пояснил Дурманов, в подобных случаях в заключении обычно фигурирует фраза: «Нам кажется, что проба «В» положительная». Международная федерация тем не менее даже в таких случаях имеет право высказать вердикт по совокупности впечатлений.

Окончательное же заключение специалистов было более конкретным. Лаборатория пришла к вполне определенному выводу (а в доказала технически), что речь идет о китайском ЭПО. Сей факт отражен в официальной документации.

В результате всего этого IBU и вынесла решение не в пользу России.

Теперь остается констатировать, что любая дисквалификация сроком более полугода (а в случае с Юрьевой, Ахатовой и Ярошенко она, скорее всего, станет двухлетней) лишает спортсменов права участвовать не только в Играх-2010 в Ванкувере, но и в последующих – в Сочи-2014. Таково правило Международного олимпийского комитета. Теоретически наказания могут надеяться, что им дадут возможность вернуться после дисквалификации в спорт и выступать хотя бы на уровне Кубков мира и мировых первенств, но будем честны: ни одному руководителю не нужны в команде спортсмены, на которых заведомо нельзя будет рассчитывать на главном старте четырехлетия. Значит – конец карьеры. Горький и бессланный.

Окончание - стр. 8

Вчера. Москва. Дмитрий ЯРОШЕНКО, Екатерина ЮРЬЕВА и Альбина АХАТОВА (на заднем плане) покидают аэропорт Шереметьево-2.

ЛЮДИ, К КОТОРЫМ ПРИШЛА БЕДА

Евгений ДЗИЧКОВСКИЙ из Шереметьева-2

В аэропортах не всегда встречают победителей. Иногда – победивших. В обоих случаях страна хочет видеть, слышать, знать. Несмотря на то, что приятного во всем этом порой ни для прилетающих, ни для встречающих – ни на грош.

Из Сеула в российскую столицу вчера было два дневных рейса. Следующий – только в воскресенье. Это значит, что прилететь Юрьева, Ахатова и Ярошенко должны были непременно в пятницу. Так и случилось. Только маршрут ни был выбран иной – с пересадкой в Пекине.

Если тем самым преследовалась цель сделать свой прилет максимально незаметным, достичь этого не удалось. Мажнев стал известен не только бригаде «СЭ» в Пьонгчанге, но и пяти-шести российским телеканалам, сотрудники которых формировали в зале прилета непреодолеваемый суровый рудит из телекамер и микрофонов. Более того, стало известно и то, что спортсмены прилетят первым из двух вчерашних пекинских рейсов. Минувать прессу дисциплинированные пассажиры не имели никакой возможности. Однако хлопотиться ловушке было не суждено.

Мимо нас дружно промаршировало полсотни китайцев, десантировались наши сограждане с сумками-рисовками, после чего людской ручеек иссяк. Пресса продолжала ждать. А наиболее мобильные ее представители, включая корреспондента «СЭ», отшли метром на 10 – 15 в сторону. Туда, где висел монитор, транслиру-

щий картинку из зала выдачи багажа. На этом мониторе мы увидели следующее.

В опустевшем помещении присутствовали все интересующие нас спортсмены. Они вели переговоры с людьми в сером и темно-зеленом: таможенниками и пограничниками. Беседа продолжалась минут пять. После ее окончания специально вызванный грузчик покятил багаж в сопровождении ее владельцев в противоположную от общего выхода сторону. Ахатова, Юрьева и Ярошенко исчезли из кадра и скрылись в недрах аэропорта.

У нас было около полутора часов для того, чтобы обследовать Шереметьево-2 в максимально допустимой службами безопасности степени, побывать во всех кафе, ресторанах с видом на летное поле и даже столовых для персонала. Без оной, Впрочем, надежды: по умению обойти порядки и законы равных нашим гражданам и чиновникам нет. Биатлонисты исчезли, растворились во внутренних помещениях. На главном выходе их по-прежнему ждали телекамеры. Маленькие репортерские шикеты курсировали на всякий случай между VIP-выходом и выходом для официальных делегаций. Тщето.

Зачем все это было нужно, казалось бы? Что мы хотели услышать от людей, только что испытавших одно из самых больших разочарований в жизни? От людей, напуганных скандальным вниманием к ним и почти лишившихся многих карьерных надежд.

В первую очередь, полагаю, и нам, и им требовалась хоть капля оптимизма. В конце концов, разочарованными оказа-

лись не только спортсмены, но и миллионы их болельщиков. То, что произошло, – наша общая беда, потому что все мы давно и прекрасно о ней осведомлены. Мы не боремся с этой бедой, потому и вынуждены теперь страдать все вместе, ловить перепутанных спортсменов в надежде хотя бы отчасти разделить с ними их слезы, нервы, пессимизм или, напротив, увидеть в них желание вернуться и доказать.

Мы их любим, а они прячутся. Хотя не являются врагами или злодеями. Они просто одни из нас, люди, к которым пришла беда.

На улице стало темнеть. Телефонная информация от знакомых из Союза биатлонистов России гласила: ждать больше не нужно. Спортсмены уехали, покинули аэропорт через черный вход. Журналисты начали расходиться. Осталось дватри самых стойких. А еще остался белый микроавтобус, поданный к выходу из зала вылета (I) на пандус второго этажа Шереметьева-2. За рулем сидел парень в олимпийской курточке. Он явно кого-то ждал, периодически разговаривая по телефону.

В какой-то момент водитель завел двигатель, включил габариты и специально чуть приотворил сдвижные двери микроавтобуса. Стало ясно: короткая встреча с Юрьевой, Ахатовой и Ярошенко все-таки состоится.

Они подошли к машине с улицы, в окружении улыбчивых пограничников и таможенников, обеспечивших двухчасовую операцию прикрытия. Тепло попрощались, сели в машину. Допускаю, что появились в ту же минуту корреспондента «СЭ» заметно ухудшило их настроение.

Однако виду спортсмены не подали. Альбина, Катя и Дима улыбались. В руках у Ярошенко была большая подарочная коробка с коньяком Camus. Они не стали отказываться от коротких ответов на мои вопросы.

• **Могли бы как-то прокомментировать случившееся?**

Юрьева: – Что тут комментировать? Продолжим вас радовать результатами – придут такие времена. А пока давайте дождемся.

• **Чего дождемся, Катя?**

Юрешенко: – Расследования. Вы ведь знаете, сейчас идет расследование. Когда оно закончится, может, что-то прояснится.

• **Вы с оптимизмом ждете результатов этого расследования?**

Юрешенко: – На самом деле – нет. Всем уже известно, что пробы положительные.

• **Ждете вас как-то поддержать. На без ваших слов сделать это будет проблематично.**

Юрешенко: – Главное, чтобы наших родных не трогали. А остальное... Двери закрылись. Биатлонисты уехали. Они наверняка хотели к себе другого внимания. А мы – другого повода для разговора. Но вышло так, как вышло. Юрьева, Ахатова и Ярошенко никогда не забудут про то, что случилось с ними этой зимой. Но куда важнее другое: чтобы о случившемся не забыли те, кто сделал их пробы положительными.

Если в сотый раз пострадают одни лишь спортсмены, мы так и не перестанем бегать в аэропортах от выхода к выходу в надежде встретиться с попавшими на допинг и боясь этой встречи.

ФУТБОЛ

Игорь КОРНЕЕВ: «НЕ ДУМАЮ, ЧТО НАША РАБОТА СЕРЬЕЗНО ИЗМЕНИТСЯ»

Вчера интервью «СЭ» дал один из помощников главного тренера сборной России Гуса Хиддинка

Гус Хиддинк, как известно, до конца мая принял «Челси», а это значит, что нашей сборной он будет уделять меньше времени. В минувшую среду голландец в интервью «СЭ» сообщил, что в Москве он в следующий раз появится только 23 марта, когда российская команда начнет подготовку к отборочным матчам ЧМ-2010 с Азербайджаном и Лихтенштейном.

В сложившейся ситуации многое будет зависеть от ассистентов голландца – Игоря Корнеева и Александра Бородюка. Их функции, надо полагать, станут гораздо шире. О том, как теперь будет построена работа в сборной России, корреспондент «СЭ» вчера побеседовал с Корнеевым.

• **Как вы восприняли решение Хиддинка возглавить «Челси»?**

– С пониманием. Учитывая сложившуюся ситуацию, Гус,

пожалуй, предпринял самый мудрый шаг.

• **Что вы имеете в виду?**

– Не секрет, что среди причин такого решения есть и финансовая составляющая. Известно, что работу Хиддинка в сборной по большей части оплачивает НАФ. Эта организация – один из важнейших партнеров РФС.

• **Согласны, что теперь ваши функции изменятся?**

– Прекрасно понимаю, что живого общения в этот пери-

од у нас будет меньше, поскольку Гус не сможет присутствовать на играх в России. И все же не думаю, что суть работы ассистентов серьезно изменится. Хиддинк всегда получал от нас полную информацию по футболу, там и состоявшимся матчам. Главный тренер, можете не сомневаться, будет полностью осведомлен обо всех нюансах. Нам с Александром Бородюком нет смысла пере-

Максим КВЯТКОВСКИЙ

Окончание - стр. 4